

А. С. Стрекалов

Болотов и
Богородицк
Историческое эссе

Александр Стрекалов
Болотов и Богородицк

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Стрекалов А. С.

Болотов и Богородицк / А. С. Стрекалов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-5321-2604-6

Жизнь и судьба великого русского учёного, просветителя-энциклопедиста и незаурядного литератора, по "Запискам" и книгам которого можно достаточно полно и глубоко изучить XVIII век. Человека, оставившего неизгладимый след в истории, науке и культуре русского народа, сравнимый с деятельностью Ломоносова. Но незаслуженно забытого биографами. Виною чему был его независимый характер, человеколюбие и нежелание проливать кровь. Как и гнуть спину перед сильными мира сего. Что никому и никогда не нравится и не прощается, считается тяжким грехом.

ISBN 978-5-5321-2604-6

© Стрекалов А. С., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

“Велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, преноса минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долгою времени разделила”.

М.В.Ломоносов

1

Сохранилась легенда, что когда-то давным-давно, в 60-х годах XVIII столетия, Екатерина II, только-только получившая тогда Престол Государства Российского из рук гвардейцев-заговорщиков и решившая проехаться – в порядке ознакомления! – по свалившейся на неё Империи в сопровождении любезного её пылкому сердцу Гришеньки Орлова, одного из главных участников заговора по свержению Императора Петра III, – Екатерина посетила в ту первую поездку по стране и мою родину, располагавшуюся на южной окраине тогдашней Московской губернии, по соседству с Куликовым полем. Проезжая по нашим местам, она, по преданию, остановилась передохнуть на левом крутом берегу небольшой речушки со странным и смешным названием Уперта, на развалинах древней сторожевой крепости Богородицк, что с середины XVI столетия надёжно оберегала Москву от набегов крымских и ногайских татар, а потом постепенно выродилась и пришла в негодность.

Старожилы утверждали, с жаром пересказывая друг дружке и собиравшейся вокруг них детворе доставшееся в наследство предание, что, выйдя тогда из кареты, Екатерина будто бы была прямо-таки очарована красотой, что царственным её очам открылась, поражена и покорена ею, до дрожи внутренней доведена, до оторопи. Противоположный погожий берег, куда упал её зоркий и расчётливый взгляд и где задержался надолго, был сплошь неказистой, но необычайно густой и живучей травкой *богородкой* покрыт словно дорогим паласом и медленно поднимался вверх на многие сотни метров, образуя этакий расплюснутый холм с идеально-ровной поверхностью, или книгу огромную, на природной подставке лежавшую, ежели на метафоры переходить, видимую с высокого берега совершенно отчётливо, до мелочей – до кустиков, рытвин и бугорков и всех её насельников-обитателей. Там беспорядочно были раскиданы ветхие избы крестьян, почерневшей соломою крытые, меж которыми вольно разгуливали с гордо поднятыми головами сытые куры и гуси, а поблизости мирно паслись коровы, овцы и лошади возле воды, дремали под прибрежными кустиками животами вверх одинокие бородатые пастухи, жители деревушки. Всё было мило, компактно, уютно; всё лежало перед тобой как на волшебном блюдечке. До всего, при желании, можно было бы докричаться, грозно помахать рукой.

А какая была широтища вокруг! воздух целебный и терпкий! какое раздолье душе! Как кружилась и звенела, наверное, у молоденькой Катеньки её прелестная белокурая головка, обдуваемая со всех сторон ядрёным российским ветром, как стучало и больно билось о грудь растревоженное любовью и нахлынувшим счастьем сердце.

«Надо же, какие у вас в России чудные бывают места! – дивилась притомившаяся в дороге императрица, изумлённо оглядываясь вокруг прищуренными маленькими глазками. – Какие Мать-Природа выкидывает иногда диковинные коленца!... У нас в Германии таких или похожих мест и в помине нет: там у нас душно и тесно...»

Но не одной лишь окрестной красотой древней русской земли польстилась тогда Екатерина, не одним только воздухом и водой одурманилась-опьянилась. Сметливая немка, по-видимому, быстро и по достоинству оценила необычайную выгодность тех Богом облаканных мест, сообразив, что ежели тут вот, к примеру, где она со свитою остановилась, построить усадьбу, а на противоположном пологом берегу расселить крепостных крестьян, – то

тогда дом каждого барского холопа будет виден как на ладони. Выходи на балкон раз от разу и за всеми приглядывай, не зевай. Ни старост не нужно будет, ни управляющих с бургомистрами, ни других каких дармоедов-надсмотрщиков, жуликов и прохиндеев по преимуществу, за которыми самими нужен глаз да глаз, которые тебя в два счёта обведут-объедят, по миру пустят с сумой, да ещё и посмеются вдогонку... А тут они и даром не нужны, лишними будут: тут она и сама управится со своим хозяйством. Сиди себе только – и смотри с балкона или в окно, не ленись, примечай заинтересованным взглядом все недостатки и упущения. Никто и ничто не скроется от тебя: всё будет соблюдено и учтено в лучшем виде.

«...А что, Гришенька, – покусывая розовые губки в задумчивости, мечтательно обратилась она (по легенде) к сопровождавшему её красавцу и великану Орлову, второму своему советчику-фавориту, которых потом было у неё без счёта, – а ни построить ли нам здесь небольшой домик в два или три этажа – для забав-пикников, для охоты?... Вот уж где был бы нам с тобою простор, майн герц, где нагулялись бы вволю...»

Стоявший рядом Орлов, вероятно, замер от неожиданности, соображая в уме, какие выгоды для себя можно было бы выжать из этой высочайшей затеи. За строительством новой усадьбы для императрицы сразу же увиделись ему огромные, не ограниченные никем и ничем кредиты и соответствующие масштабу стройки барыши, до которых Григорий Григорьевич, как известно, был большой охотник.

«...Воля ваша, матушка, – пожав плечами, тихо сказал тогда он, хитро улыбнувшись чему-то. – Приказывайте – построим».

А сам про себя подумал, наверное: «Нам, гвардейцам, ведь всё равно: что ломать, что строить – лишь бы к рукам прилипало...»

Сказано – сделано. Тут же на привале, будто бы, был подписан Высочайший указ о закладке нового екатерининского дворца с прилегающей к нему деревней, который сопровождался очередным лихим кутежом с поцелуями, песнями, плясками под гитару. После чего подгулявшую Катеньку стали всем миром запихивать в карету. Легенда гласит, что, залезая, она об подножку споткнулась неловко и обронила при этом свой царственный веер, который, на землю упав, так интересно раскрылся, что лучи его перьевые дружно разбежались в сторону предполагаемого на том берегу поселения, будто бы улицы собой обозначив, что в будущем будут в нём.

«Посмотрите! посмотрите! – закричала хмельная императрица, обожравшаяся питательной русской снедью, медовухой дармовой, душистыми блинами с икрой, – посмотрите на мой веер все! О, майн гот! это судьба! Вот вам и план, господа, будущей застройки... Слышишь, Гриша?! слышишь?! – стала щепать она за ляжки и за бока усевшегося рядом с ней фаворита, на валявшийся веер показывая, который не успели поднять. – Вот так и построишь наше с тобою гнёздышко, именно так! Это непременно моё условия...»

Так и построили новую усадьбу для Екатерины: на крутом отвесном берегу дотоле мало кому известной в России речки Уперты, на месте развалившейся Богородицкой крепости со временем возвели величественный двухэтажный дворец на высоком цокольном этаже, украшенный лёгким бельведером и смотровой площадкой на крыше. Западный фасад дворца в центре был отмечен полукруглым выступом, определившим овальные залы здания. Восточный же тыльный и плоский фасад с массивной входной дверью украшал портик из четырёх тосканских колонн, поддерживавших балкон второго этажа, для отдыха предназначенный, для чаепития. В усадебный комплекс входили также возвышавшаяся позади здания и кирпичной дворцовой ограды башня-колокольня с шикарными въездными воротами и Казанская церковь, расположенная неподалёку и выполненная, как и сам дворец, в стиле раннего классицизма. Всё это проектировалось и сооружалось начинающим столичным архитектором Иваном Егоровичем Старовым, летом 1773 года заложившим пер-

вый камень в основание Богородицкой усадьбы. Речку перед дворцом, по его же плану, решено было перегородить плотиною, предварительно расширив русло в заранее определённом месте. В результате чего образовался приличных размеров пруд под окнами возводимого екатерининского особняка, в котором белокаменный красавец-дворец отсвечивался как в зеркале по утрам и вечерам, при восходе и закате солнечном, как бы удваиваясь, увеличиваясь в размерах в эти чарующие моменты и являя с противоположного пологого берега картину прямо-таки чудесную, сказочную.

Но построить дворец было лишь половиной дела. Для хорошей усадьбы и дорогая оправа требовалась – сиречь величественный и благоухающий парк, который, с одной стороны, не уступал бы лучшим паркам Европы, Москвы и Петербурга – это было обязательное условие – и, одновременно, подчёркивал и удешевлял красоту самого дворца, придавал ей особенный колорит и ни с чем не сравнимую прелесть... Но для этого, опять-таки, надёжный, грамотный и искусный человек требовался – с задатками большого художника, дизайнера и агронома, – талант и творческий потенциал которого были бы сравнимы с талантом самого зодчего Старова, архитектора хотя и молодого, но раннего, с большими задатками и амбициями, молодым задором: а другому бы и не доверили никогда возводить покои для самой императрицы... И таким человеком стал в итоге выдающийся русский учёный и агроном и, одновременно, великий гражданин и патриот своей Родины, *Андрей Тимофеевич Болотов*, который в то время, когда строительство дворца было в полном разгаре, исполнял обязанности управляющего Богородицкой волостью...

2

Андрей Тимофеевич! Уникальнейшая личность в истории! Умница! Светлая голова! Талантище каких поискать! Самородок во всех своих начинаниях и ипостасях, непревзойдённый новатор и генератор идей! Великий подвижник и труженик! Сверкающий бриллиант в короне Российской науки и просвещения, наконец! Фигура для России воистину знаковая и незаменимая, которая хотя и не видна теперь обывателю из-под толстого слоя исторической пыли и шелухи, но которая до сих пор *Дело* своё хорошо знает и делает, поверьте!

При желании здесь и ещё можно было бы с десятков подобных определений привести – и все они были бы точны и правильны, все к месту. Хотя бы потому уже, что был Андрей Тимофеевич из той редкой и малочисленной, к сожалению, породы людей, с рождения Богом отмеченных, трудами которых матушка-Русь из века в век держится и живёт, духом которых крепится и пребывает. Хотя порою и не догадывается об этом, принимает посмертные дары светочей-богоносцев российских как должное.

Это всё не пустые слова, не досужая выдумка автора, стремящегося-де искусственно героизировать и обожествить, высоко приподнять над землёй своего кумира и земляка, и самому потом в лучах его славы погреться. Болотова не надо ни приукрашивать, ни лицемерно “раскручивать” и возвеличивать посредством всемогущей рекламы, дешёвыми и пошлыми комплементами награждать, приписывать ему чужое или несуществующее, – он в этом нисколько не нуждается. Это участь других – бессовестных, жуликоватых, пустых, бездарных и бесталанных... Ему же, первооткрывателю и первопроходцу, “пахарю”-труженику с молодых лет, гению и провидцу не нужны “одежды” с чужого плеча, когда его собственный “гардероб” трещал и трещит до сих пор от “добра” нажитого.

Посудите сами, читатель, почувствуйте и по достоинству оцените упорство и работоспособность, природную волю и труд, глубинную веру и оптимизм, и дар бесценный, великий этого удивительного человека, родившегося 7 октября 1738 года в небогатой дворянской провинциальной семье в селе Дворяниново (в то время Московская губерния, ныне Тульская область), в 14 лет оставшегося без родителей, сиротой по сути. Казалось бы, всё – конец: на жизни собственной и карьере ему, беспризорному малолетке, провинциалу без связей,

чумазому деревенщине надо было бы ставить после этого крест. Ведь участь сирот во все времена печальна и беспросветна – это общеизвестно. Лишившись живой семейной поддержки и опеки, они в основном очень быстро опускаются на социальное дно, спиваются там и гибнут, не оставив ни памяти по себе, ни семьи, ни тем более дел добрых, богоугодных, с которыми и жить не совестно, и умирать не страшно.

С Болотовым же ничего подобного не произошло – даже и близко. Вот что удивительно-то и что более всего в его биографии поражает. Наоборот – раннее сиротство его будто недюжинной силою наградило, что перешла к нему от рано усопших родителей и сделала Андрея Тимофеевича богатырём – духа и веры в первую очередь, потенциала творческого, невиданного. Человеком, внёсшим неоценимый вклад в развитие отечественного естествознания и культуры, ставшим основоположником всей русской сельскохозяйственной науки по сути, которая *агрономией* зовётся. Это главное, что его всегда отличало и что про него непременно надо помнить и знать – про его дух могучий и нестигаемый, а также бурлившее через край неиссякаемое новаторство и подвижничество.

Ни одного дня с тех пор он не просидел просто так – без чтения и науки, без напряжённой интеллектуальной работы, которой он посвятил в итоге всю свою долгую 95-летнюю жизнь, которая его самого и Россию прославила. Книги он читал страстно, запоем с раннего возраста, скупал их в огромных количествах повсюду, не расставался с книгами никогда, до последних дней своих, собрал огромную личную библиотеку в несколько тысяч томов по разным тематикам. Они были для него всегда источником мудрости и вдохновения, и помогли ему стать одним из образованнейших людей своего времени, подлинным энциклопедистом по сути, французским и немецким не чета. Это ему-то – фактическому самоучке. К концу жизни Андрей Тимофеевич сумел накопить такие богатейшие и ценнейшие знания, которые разве что М.В.Ломоносову были доступны, первому русскому академику, с которым его теперь всё чаще и по праву сравнивают.

Диапазон его творческих интересов был необычайно широк – от агрономии и медицины, сугубо естественных дисциплин, до философии и истории, литературы и искусства – дисциплин сугубо гуманитарных. Он был не только замечательным исследователем в различных областях естествознания и сельского хозяйства, но и выдающимся литератором, критиком, переводчиком, художником, архитектором и топографом, первым русским физиотерапевтом и гомеопатом наконец. А историкам – настоящим, глубоким, историкам-патриотам в первую очередь, а не либералам и пустозвонам – он известен также как автор удивительных по колоритности языка и богатой насыщенности фактическим материалом *автобиографических записок*.

А ещё Андрей Тимофеевич сумел создать своё собственное видение и понимание мира, свою жизненную философию так сказать, основанную на принципе согласия с самим собой и окружающей действительностью. И вся его долгая и чрезвычайно богатая и насыщенная в творческом плане жизнь явилась олицетворением этого наиважнейшего принципа...

Ну а теперь если непосредственно к содеянному перейти – то прямо-таки дух захватывает, когда пытаешься даже бегло, не вдаваясь в подробности и детали, объять и объяснить всё то, что было создано, разработано и написано им, оставлено нам в наследство; за что каждый грамотный русский человек, элементарного научно-образовательного чутья не утративший, духовного зрения и здоровья, должен бы быть обязан и благодарен Андрею Тимофеевичу до скончания дней своих, по гроб жизни что называется. Химия и физика, биология и медицина, агрономия и агротехника России обильно попользовались за его счёт, продвинулись и ушли вперёд многочисленными трудами его, многолетними мучительными раздумьями и наблюдениями.

Живя после отставки в деревне почти безвыездно – сначала в родовом Дворяниново (1762-1774), потом в Богородице (1776-1796), потом опять в Дворяниново (1796-1833), – будучи сельским жителем по натуре и великим учёным-естествоиспытателем по духу, он ежедневно до глубокой старости ставил там опыты:

- по изучению улучшенных приёмов обработки почвы;
- уходу за сельскохозяйственными культурами;
- применению удобрений, внедрению новых культур и разведению плодовых деревьев;
- активно разрабатывал приёмы мелиорации и агротехники в зависимости от зональных почвенно-климатических условий,
- о чём сразу же и сообщал в “Трудах Вольного Экономического общества”. Чтобы находки его агрономические делались достоянием всех.

Своей кристаллизацией и систематизацией *агрономия русская* обязана именно ему, именно он впервые разработал проблему замены зернового трёхполья выгодной системой земледелия с введением травосеяния. А капитальный труд его “*О разделении полей*” (1771) стал первым в России руководством по введению севооборотов и организации сельскохозяйственных территорий.

При описании приёмов ухода за лугами и способов их коренного улучшения Андрей Тимофеевич первым указал на взаимодействие почв и растительности, обуславливающее изменение травостоя лугов и их хозяйственной ценности, первым обратил внимание россиян на абсурдность распространённого в народе мнения, что на наших чернозёмах удобрение является излишним... Как агроном и ботаник, Андрей Тимофеевич дал первую классификацию сорных растений по биологическим признакам и разработал эффективные методы борьбы с *овсюгом* и другими сорными травами.

Теперь трудно найти раздел сельскохозяйственной науки, который не основывался бы на исследованиях и наработках Болотова, если вообще возможно. Что убедительно доказывают современные его биографы. Так, его перу принадлежит *первое на русском языке* печатное руководство по *морфологии и линнеевской систематике* растений (напомним, что до этого все немногочисленные научные труды были, в основном, на латыни; то есть были не доступны широкому кругу читателей). Он же впервые в мире исследовал, обосновал и оформил основные принципы научной *гомологии*.

Одним из первых, опять-таки, Андрей Тимофеевич выступил с критикой “водной” теории питания растений. Ему же принадлежит разработка для Центрально-Нечернозёмной зоны России основных научных приёмов удобрения полей, а также ряда других крайне важных элементов агротехники. То есть первая научная идея преобразования почв Нечерноземья принадлежит ему.

Слова “*впервые*” и “*первый*” без конца пестрят в его жизнеописаниях, буквально не сходят с их страниц, превращаются порой, как и травы, в сорные. Как садовод, он первым среди русских и мировых учёных разработал основные принципы *научной помологии* и описал множество (более шестисот) сортов яблонь и груш. Он также активно проводил работы по различным видам плодоводства: технике прививок, размножению яблонь отрезками корней, выведению новых сортов и размножению их, рациональному размещению плодовых деревьев, уходу за ними и садом в целом. В работах Болотова можно также с интересом и пользой прочесть о возделывании и переработке картофеля – второго русского хлеба, существовавшего в его времена в основном на барских клумбах, – о введении культуры трав, корнеплодов, овощных растений, осеверении южных плодовых деревьев и многое-многое другое, о чём и не догадываются современные специалисты-агроarii. Он колдовал вокруг злаков, первый внедрил в центральной части России южные *помидоры*, распространял полезнейшую для простого народа северную *смородину*. Всё практическое садоводство базируется по сути на открытых Андреем Тимофеевичем закономерностях био-

логии роста и развития плодовых и ягодных растений. А в лесоводстве широко используются до сих пор разработанные им методики лесоразведения и лесопользования.

Как учёному-ботанику, повторим, Андрею Тимофеевичу принадлежат ценнейшие описания сорных, лекарственных и культурных растений. Он изучил и описал различные формы цветков, приспособления растений к опылению, роль насекомых в опылении, факторы, благоприятствующие или мешающие опылению; описал многие плоды, семена, приспособления семян к распространению. В статье **“О семенах”** он высказал правильные мысли о значении количества пыльцы для оплодотворения и о причинах стерильности растений.

Был Андрей Тимофеевич и великим селекционером, на сто лет опередившим Мичурину. В работе **“Опыт над яблочными семенами”** он говорил о распространённости естественной гибридизации и рекомендовал использовать формы, возникающие путём свободных межсортовых переопылений, как исходный материал для создания отбором и воспитанием новых сортов плодовых, то есть впервые в общей форме высказал идею **гибридизационно-селекционного метода**, научно разработанного и обоснованного впоследствии мичуринской школой биологов. Здесь стоит отметить ещё, что Андрей Тимофеевич и сам создал целый ряд новых сортов овощных и плодовых культур, которые подробно описал и зарисовал в собственных сельскохозяйственных журналах и книгах.

Как учёный-селекционер и великий биолог одновременно, Андрей Тимофеевич обнаружил у яблони явление **дихогамии** – одновременного созревания тычинок и пестиков обоеполых цветков – и первым в научном мире (задолго до Шпренгеля) правильно оценил это явление как важнейшую предпосылку для перекрёстного опыления. Он первым заметил также преимущества перекрёстного опыления, **предвосхитив** по сути то важнейшее обобщение в биологии, что позже получило название **“закона Найта-Дарвина”**.

Вёл Андрей Тимофеевич и постоянные метеорологические наблюдения – вот уж воистину всеохватным и вездесущим был этот удивительный человек. Так, его **«Книжка метеорологических замечаний»** содержит ежедневные наблюдения за погодой на протяжении 52 лет. Представляете терпение его и сроки! Сын Болотова Павел передал их в Академию наук, где они были впоследствии напечатаны как ценнейший источник и где хранятся теперь в Библиотеке АН в Петербурге. Подобных наблюдений и за столь продолжительный период времени в России до него не делал никто: Гидрометцентр с огромным штатом сотрудников мог бы ему позавидовать.

А.Т.Болотов много занимался и вопросами техники, был великим инженером-механиком и инженером-гидравликом, предложив народу русскому различные конструкции новаторских сельскохозяйственных орудий, гидротехнических устройств, установку для выработки крахмала.

Его можно назвать и первым русским врачом-физиотерапевтом, потому что именно он начал первым лечить при помощи электричества некоторые заболевания человека, для чего собственноручно сконструировал и построил специальную электрическую машину...

В особом ряду деяний Болотова стоит его научно-просветительская деятельность. В течение долгой и прекрасной в творческом плане жизни, непрерывно занимаясь самообразованием в области философии, истории и естествознания, Андрей Тимофеевич изо всех сил пытался образовать при этом и свою страну, причём – самые широкие слои её населения. На протяжении десяти лет (1778-1789) послепетровская крепостная Россия получала в готовом виде начатки знаний и элементарные понятия о достижениях русской и мировой науки из многочисленных печатных трудов Болотова, его увлекательных рассказов и бесед, живым доходчивым языком написанных. Всё это он без устали выплёскивал на страницы популярных тогда журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин», единственным автором и анонимным составителем которых фактически был он сам... Туда же он помещал

частенько (помимо “Трудов Вольного Экономического общества” – издания элитарного и малодоступного) и собственные естественнонаучные открытия, великодушно желая сделать их достоянием всей страны, всего русского, обученного грамоте люда.

И если журнал «Сельский житель», выходивший еженедельно, просуществовал всего год (1778-79) и потом был закрыт по решению издателя, которого интересовала только большая прибыль. То в 1779 году, познакомившись и подружившись с Николаем Ивановичем Новиковым, ведущим книгоиздателем того времени, Болотов начинает публиковать свой новый журнал – «Экономический магазин» (1780-1789), который, в виде приложения к «Московским новостям», выходил вплоть до ареста Новикова и позволил Андрею Тимофеевичу уже по-настоящему раскрыться как незаурядному писателю-публицисту. За это время им было подготовлено и издано 40 полноценных томов этого журнала по 400 страниц каждый (а вместе с «Сельским жителем» 42 тома), и каждый том содержал богатейший материал по научно-практическим основам сельского хозяйства. Даже и современных учёных поражает порой необычайная глубина и правильность позиций, которые занимал тогда Болотов по многим вопросам. Что уж говорить про его современников, для которых его журнальная публицистика была воистину бесценной.

Современники, надо сказать, свиньями неблагодарными не были и по достоинству оценили Болотова-учёного: с 1766 г. он – член Вольного Экономического Общества, которое наградило его поочерёдно *золотой* и *серебряной* медалями; с 1793 г. – член королевского саксонского Лейпцигского экономического общества; а с 1821 г. – почётный член Московского сельскохозяйственного общества. Его высоко ценили президент Российской Академии наук того времени Андрей Андреевич Нартов и замечательный наш издатель, критик и писатель Николай Иванович Новиков. А это всё были люди передовые, грамотные во многих вопросах, которых, как стреляных воробьёв, на мякине было не провести и не купить на подделку дешёвую, второсортную.

И ещё обязательно надо упомянуть в связи с этим, коль уж была затронута эта тема, что журналы, выпускаемые Болотовым, содержали большое количество рисунков и акварелей, единственным автором которых был он сам. Вообще же, рисование занимало огромное место в его жизни – он был добротным художником помимо всего прочего, таланту и мастерству которого позавидовали бы многие сегодняшние раскрученные кумиры-холстомараки. Так, отправляя в «Труды Вольного Экономического общества» свои статьи, Андрей Тимофеевич неизменно сопровождал их собственными иллюстрациями. Когда же после смерти Екатерины он вернулся на постоянное жительство в родное Дворяниново, оставив службу и должность управляющего Богородицким уездом, то там, на родине, он закончил работу над капитальным трудом – *«Яблочных книгах»*, – состоявшим из 8 увесистых томов. И к этим рукописным томам прилагались ещё и – внимание! – **3 тома акварельных рисунков**, будущим российским учёным-ботаникам и селекционерам в дар и посильную помощь. Берите, мол, люди добрые, пользуйтесь на здоровье! Не жалко!... Всё это о том говорит, что работу уже достаточно престарелый учёный проделал тогда титаническую, описав и зарисовав в итоге 661 сорт яблок и груш. И ещё прибавьте сюда, что созданию книги предшествовало огромное количество опытов...

В плане гуманитарном, к которому мы теперь переходим, Андрей Тимофеевич одарил Россию и россиян своими изумительными по простоте, глубине мысли и красоте слога автобиографическими записками *“Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков”* в 29 частях – без сомнения лучшей русской прозой того стародавнего времени, что охватывает исторический период с 1738-го по 1795-й год включительно и содержит ценнейший фактический материал для характеристики быта, нравов и качества русской общественной жизни той далёкой и уже почти забытой эпохи. «Записки» как уни-

кальный исторический и литературный памятник имеют исключительное значение при изучении русской истории и, пожалуй, являются единственным источником мемуарного характера, столь полно и широко освещающим различные аспекты исторического и культурного развития России во второй половине XVIII века. В этом отношении их вполне можно со «Словом о полку Игореве» сравнить: значение обоих памятников для русских и зарубежных историков и культурологов одинаковое.

К написанию своих удивительных мемуаров, наивных порой, но всегда искренних и правдивых, Болотов приступил в 1789 году. Пережитое – а видел он очень и очень многое – стало основой его длительной и многотрудной литературной работы. Сам автор из природной скромности полагал, что историю своей жизни он пишет не потому, что в ней были какие-то необычайные и неординарные события. Он только лишь хотел зафиксировать для потомков те происшествия, которые показались ему интересными и значительными. ***«Нетищеславие и не иные какие намерения побудили меня написать сию историю, – признавался он в предисловии, – мне во всю жизнь досадно было, что предки мои не оставили после себя ни малейших письменных свидетельств... Писал не в том намерении, чтоб издать в свет, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех моих будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведения...»***

Таков был главный, стержневой лейтмотив, писательский пафос, если хотите, всего огромного по объёму произведения: не славы и денег ради, а исключительно для пользы дела, для удовлетворения законного любопытства детей и внуков к деяниям своих отцов. И только: ничего личного, как говорится, и ничего корыстного... Завершённые в 1816 году, мемуары в максимально-полном своём варианте (на который впоследствии опирались и ориентировались все последующие редакции) увидели свет лишь в 1870-1873 годах, то есть через 40 лет после смерти автора (хотя отдельными частями «Записки» начали издаваться с 1839 года). Вышли они 4-томником в Приложении к журналу «Русская старина»; к печати были подготовлены М.И.Семевским, который предварил текст «Записок» вступительной статьёй... Второе сокращённое издание в 3-х томах в России вышло уже в 1931 году. И всё. Более главная книга Болотова в царское и советское время не переиздавалась.

А жаль. Ведь автор всю душу в неё вложил, все накопленные знания, опыт. И ни разу не погрешил против истины – ни разу!!! Великое достижение писательское – отсутствие лукавства и позы, чему у него многим нынешним графоманом и рифмоплёткам неплохо было бы и поучиться!

При жизни рукопись самолично была им аккуратно переплетена в отдельные тома и по обыкновению снабжена рисунками. Умер Андрей Тимофеевич спустя 17 лет после завершения своих «Записок». Работу над мемуарами отца продолжил уже сын его, Павел Андреевич, а потом и внук, Михаил Павлович, добавившие к отцовским и дедовским черновикам свои собственные впечатления и наблюдения...

Итак, из болотовских «Записок» историки и литераторы многих поколений россиян благодарно и с большою пользой для себя черпали бесценные сведения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.